

также — век литературной теории, которая нашла себе выражение не только в развитии критической мысли, но и в сознательном применении реализма (в самом художественном творчестве). Преимущество громадное. Однако и в XIX в. нет прямой пропорциональности между развитием реализма — в тесном смысле слова — и художественной правдой во всей ее полноте. Так гоголевский период русской литературы во многих отношениях связан с углублением реализма. Это бросается в глаза. Но никто в настоящее время не поставит Гоголя выше Пушкина, а сам Гоголь и подавно был далек от такого взгляда. Еще яснее это в западной литературе. Флобер — более реалист, чем Стендаль и Бальзак, у которых еще остается не мало старого (как тогда говорили — романтического) отношения к действительности. Между тем, в широком смысле слова Стендаль и Бальзак отнюдь не менее великие реалисты, чем Флобер.

Вот почему нельзя обойтись без понимания реализма, как объективной правды в широком, диалектическом смысле слова, — правды, лежащей в основе всей совокупности разнообразных художественных явлений прошлого и настоящего. Этот масштаб должен быть настолько гибким, чтобы включить в понятие реализм всякое подлинное искусство — древнее и современное, китайское и греческое. Он должен быть также настолько определенным, чтобы отвергнуть всякое проявление лжи и фальши, реакционных идей и отсталых взглядов.

Говорят, что такое понимание реализма оставляет много неясностей и сложных вопросов. Наука подобных жалоб не принимает. Хорош был бы наш критерий, если бы он исключил всякую необходимость исследования сложных вопросов, если бы он делал излишним присутствие ума и таланта, художественного вкуса и политического чутья у исследователя или критика! Говорят также, что широкое понятие реализма превратилось в шаблон, пустую схему. Это возможно, но опыт показывает, что нет такого понятия, которое не могло бы при случае превратиться в шаблон и пустую схему.

4. Что касается практических вопросов, поставленных редакцией, и, прежде всего, вопроса о полезности предполагаемой дискуссии в свете «наущных задач современного литературного движения», то, на мой взгляд, это зависит от наличия действительных теоретических сил. Такие вопросы не решаются чисто организационными мерами, постановкой определенных тем, подсчетом докторов и доцентов. Важно обеспечить победу коммунистических идей, марксистской науки в подобной дискуссии.

Т. Л. Мотылева

1. Статья Я. Эльсберга «Реализм и... антиреализм?» и другие выступления последнего времени (например, статья С. Тураева в «Иностранной литературе», 1956, № 3) верно выявили слабости той концепции, согласно которой все значительное, что есть в искусстве прошлого, заносится под общую рубрику «реализм», и тем самым стирается своеобразие отдельных литературно-художественных явлений. Бесспорно и то, что нельзя механически переносить философские понятия на историю искусства (о чем, кстати, говорилось и в книге Г. Недошивина). Но в понимании проблемы реализма остается еще много неясного и неуточненного.

Если признать, что реализм ведет свое начало с раннего Возрождения, тогда придется в одинаковой мере отнести к реализму много очень разнородных явлений — от Чосера до Золя. Таким образом, границы понятия «реализм» и в этом случае останутся крайне широкими, и останется неясным, почему из этого понятия выключено искусство античности. Почему Сикстинская Мадонна — реализм, а Венера Милосская — не реализм? В таком разграничении немало произвола.

Если признать, что реализм ведет свое начало от литературы XIX в., то и тут мы не избавимся от произвольных и неубедительных разграничений. Почему образ Бориса Годунова — это реализм, а образ Макбета —